

В140 476

Ив. Бунинъ.

Знаніе=сила.

Черноземъ.

№ 139.

Издание Н. Парамогова „Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

2 коп.

ИЧ

В. Алексѣевъ.—Народовластіе въ древней Руси	15 к.
И. И. Дитятинъ.—Екатерининская комиссія	15 к.
Дарестъ—Бельгійская конституція	7 к.
И. П. Бѣлоконскій—Самоуправленіе и земство	7 к.
Е. И. Булгакова—Японія и японцы	20 к.
А. Ѳ. Быкова—Англія и англичане	15 к.
Б. Б.—Великая французская революція	15 к.
В. Водозовъ—Всеобщее избирательное право на Западѣ	5 к.
Гауптманъ—Томъ 2-й (Ткачи и извозчикъ Геншель)	30 к.
Феликсъ-Гра—Марсельцы	25 к.
А. Горбуновъ—Гарантіи личной свободы въ Англіи	15 к.
Гэдъ—Коллективизмъ	4 к.
Голубевъ—Роль земства	10 к.
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Франціи	7 к.
С. Живаго—Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи	6 к.
Зомбартъ—Рабочее движеніе въ XIX вѣкѣ	20 к.
Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды	15 к.
К. Каутскій—Ирландія	7 к.
К. Каутскій—Противорѣчія классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г.	20 к.
К. Каутскій—Развитіе формъ государства	7 к.
К. Каутскій—Соціальная реформа	25 к.
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XV—XIX вв.	15 к.
А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи	15 к.
А. Кизеветтеръ—Деятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи	10 к.
А. Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ)	10 к.
Каръевъ—Французскіе писатели XVIII в.	10 к.
Котларевскій—Представительство совѣщательное	4 к.
Лангманъ—Бартель Туразеръ, драма изъ рабочей жизни	15 к.
Лассаль—Сущность конституціи (2 рѣчи)	8 к.
Лассаль—Программа работниковъ	8 к.
Либкнехтъ—О налогахъ	5 к.
Либкнехтъ—Отъ обороны къ нападенію	10 к.
В. Мякотинъ—На зарѣ русской общественности	15 к.
Милоковъ—Верховники и шляхетство	15 к.
Марксъ—Гражданская война	10 к.
Д. Петрушевскій—Великая хартія вольностей	15 к.
С. Прокоповичъ—Длина рабочаго дня по русскому законодательству	10 к.
Прокоповичъ—Аграрное движеніе	10 к.
Рожковъ—Исторія крѣпостного права въ Россіи	10 к.
В. Строевъ—Московское Государство передъ реформами	20 к.
Семевскій—Изъ исторіи общественнаго теченія въ 40-хъ г.	20 к.
Б. С.—Трудъ и Капиталь. Первонач. свѣдѣнія по политич. экономіи	10 к.
С. Г. Сватиковъ—Созывъ народныхъ представителей	10 к.
Сторожевъ—Біографія Грановскаго	15 к.
Шиппель—Профессиональные рабочіе союзы	10 к.
В. Щерба—Исторія русской школы	10 к.
Эркманъ-Шатрианъ—Исторія одного крестьянина	20 к.
Энгельсъ—Жилищный вопросъ	10 к.
Вересаевъ—Честнымъ путемъ	7 к.
Милоковъ—Исконныя начала	5 к.
Джевелеговъ—Отвѣтственность министровъ	3 к.
Амичисъ—Студенты и социальный вопросъ	5 к.
Русская Исторія часть I	10 к.
Русская Исторія часть II	12 к.
Царь Голодъ	2 к.
48-й годъ въ Германіи	
Экономическое положеніе евреевъ	

В140 476
 * В. И. РИССКОМЪ *
 № 752
 * МОСКВА *

Ив. Бухимъ.

X

Черноземъ.

PRINTED BY
 THE UNIVERSITY PRESS
 CAMBRIDGE

№ 139.

Изданіе Н. Парамонова „Донская Рѣчь“
 въ Ростовѣ на Дону.

2 коп.

Знаніе=сила.

I.

ЗОЛОТОЕ ДНО.

Тишина и заустѣніе. Уже не оскудѣніе, а *запустѣніе*...

Кончились южныя просторныя равнины, конченъ долгій путь въ вагонахъ. Не спѣша бѣгутъ лошади среди зеленыхъ холмистыхъ полей, ласково вѣтъ навстрѣчу вѣтеръ и убаюкивающе звенятъ трели жаворонковъ, сливающимся съ однообразнымъ топотомъ копытъ. Вотъ съ одного изъ косо-ровъ еще разъ показалась далеко на горизонтѣ низкимъ синѣющимъ силуэтомъ станція... Но, сбернувшись черезъ мину-ту, я уже не вижу ея. Она скрылась, чтобы больше не показываться, и теперь вокругъ тарантаса — только пары, хлѣба и лоцинки съ дубовымъ кустарникомъ...

— Ну, что же новенькаго, Корней? — спрашиваю я ку-чера, молодого загорѣлаго мужика съ умными слегка при-щуренными глазами.

— Новенькаго?—сдержанно отвѣчаетъ Корней, не обо-рачиваясь.—Новаго у насъ ничего нѣту.

— Значить, живете по старому?

— Это правильно. Плохо живемъ...

Не много новаго узнаю я и въ Княжѣмъ, имѣніи сестры, гдѣ я всегда дѣлаю остановку на пути къ Родникамъ. Когда я отдыхаю послѣ завтрака у раскрытыхъ оконъ зала, мнѣ кажется, что еще годъ тому назадъ усадьба не была такъ ветха и безлюдна. Все, значить, идетъ по старому: неуклон-ное разрушеніе. Полы и потолки въ залѣ еще немного по-косились и потемнѣли, вѣтви запущеннаго палисадника лѣ-зутъ уже въ самыя окна, тесовыя крыши службъ дали кое-гдѣ зловѣщія трещины... А по двору, держа въ поводу ху-дого стригуна, запряженнаго въ водовозку, какъ во снѣ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

754986

M

V V

идеть полуслѣпой и глухой Антипушка, и разошшія колеса водовозки порою такъ неистово взвизгиваютъ, что больно слушать.

— Такъ плохи, говоришь, дѣла? — спрашиваю я сестру, которая курить и задумчиво смотритъ куда-то въ даль, на косогоры за лугомъ и рѣчкой.

— Совсѣмъ, совсѣмъ, плохи! — поспѣшно, какъ будто даже съ удовольствіемъ подтверждаетъ сестра. — Будь капиталъ, еще, можетъ быть, можно было бы поправиться. Въдъ земля-то — сущее золотое дно. Но банкъ, банкъ!

— Зато тишина-то какая! — говорю я.

— Ужъ этого — хоть отбавляй! — съ угрюмой ироніей соглашается племянникъ-студентъ. — Дѣйствительно — тишина, и прескверная, чортъ ее дери, тишина! Въ родѣ пересыхающаго пруда. Издали — хоть картину пиши: такой мирный, привѣтливый! А подойди — затхлостью понесетъ, ибо воды-то въ немъ на вершокъ, а тины — на двѣ сажени, и караси всѣ подохли... Дно-то, дѣйствительно, золотое, только до него самъ чортъ не докопается!...

Отъ Княжѣго дорога вѣется сперва по перелѣскамъ, потомъ пропадаетъ въ большомъ кологривовскомъ „Заказѣ“. Въ прежнее время она далеко обходила его, — теперь ѣздить прямо, по двору кологривовской усадьбы, раскинувшейся по сторонамъ лѣснаго оврага своимъ одичавшимъ садомъ и кирпичными разрушающимися службами. Какъ только въ лѣсъ врывается громыханіе бубенчиковъ, изъ усадьбы ему отвѣчаетъ угрюмый лай овчарокъ, ведущихъ свой родъ отъ тѣхъ свирѣпыхъ псовъ, которые сторожили когда-то не менѣе свирѣпую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантасъ, сопровождаемый лаемъ, съ грохотомъ катится по мостикамъ черезъ овраги, я смотрю на груды кирпичей, оставшихся отъ сгорѣвшаго дома и потонувшихъ въ бурьянѣ, и думаю о томъ, что сдѣлалъ бы старикъ Кологривовъ, если бы онъ увидѣлъ нахаловъ, скачущихъ по двору его усадьбы! Въ дѣтствѣ я слышалъ про него поистинѣ ужасы. Говорили, что при крѣпостномъ правѣ онъ засѣкалъ мужиковъ до смерти, заковывалъ ихъ въ кандалы, травилъ борзыми... Одна изъ любовницъ пыталась опоить его какими-то колдовскими травами, — онъ заточилъ ее своимъ судомъ въ монастырь... Когда объявили волю, онъ „тронулся“, какъ говорили, „въ отдѣлку“, и съ тѣхъ поръ почти никогда не показывался изъ дому. Медленно разоряясь, онъ днемъ пьянствовалъ, а по ночамъ, дрожа отъ страха, что его

убьютъ, сидѣлъ въ шапочкѣ съ мощей угодника и громко читалъ заговоры, псалмы и покаянныя молитвы собственнаго сочиненія... Осенью однажды его нашли въ молельной мертвымъ... и усадьба одичала.

— Не знаешь, не продали еще? — спрашиваю я Корнея.

— Продали, — отвѣчаетъ онъ. — И продали-то, говорятъ, за тринку. Живетъ тутъ приказчикъ отъ наслѣдниковъ, а ему что-жъ? Не свое добро. Безъ хозяина, извѣстно, и товаръ — сирота. А земля тутъ — прямо золотое дно!

— Хороша?

— Дюже хороша! Аршинъ чернозему. А лѣсъ-то!

Въ самомъ дѣлѣ — славный лѣсъ! Горько и свѣжо пахнутъ березами, весело отдается подъ развѣсистыми вѣтвями громыханіе бубенчиковъ, птицы сладко звенятъ въ зеленыхъ чащахъ... На полянахъ, густо заросшихъ высокой травой и цвѣтами, живописно стоятъ столѣтнія березы по двѣ, по три на одномъ корнѣ. Предвечерній золотистый свѣтъ наполняетъ ихъ тѣнистыя вершины. Внизу, между бѣлыми стволами, онъ блеститъ яркими длинными лучами, а по опушкѣ бѣжитъ навстрѣчу тарантасу стальными просвѣтами. Просвѣты трепещутъ, сливаются, становятся все шире — и вотъ, наконецъ, снова зазеленѣло вдаль... Опять вокругъ просторно и свѣтло, опять вѣетъ сладкимъ ароматомъ зацвѣтающей ржи, и пристяжныя на бѣгу хватаютъ пучки сочныхъ стеблей.

— Хорошо! — думаю я, начиная забывать о нищетѣ этого богатаго края, но вотъ Корней опять, не спѣша, оборачивается ко мнѣ и съ улыбкой, похожей на ту, которой улыбался студентъ, значительно говоритъ:

— А вонъ и Батурино...

И я уже понимаю его.

— Что, — спрашиваю я, — совсѣмъ плохо?

— Да ужъ молодые-то уѣхали. А старуха домъ продаетъ. Добилась до послѣдняго.

— А какъ-бы заглянуть туда?

— Да скажите, что, молъ, домъ себѣ для Родниковъ присматриваю...

Въ Батуринѣ — это большая деревня, но ужъ извѣстно, что такое „барская“ деревня! — въ Батуринѣ тихо и жарко. Скучно лоснится на солнцѣ мелкій длинный прудъ желтой глинистой водой, баба возлѣ навозной плотины лѣниво бьетъ валькомъ по мокрому сѣрому холсту... Съ плотины дорога поднимается въ гору возлѣ батуринскаго сада. Садъ еще

до сихъ поръ густъ и живописенъ, и, какъ на идиллическомъ пейзажѣ, стоитъ въ его изголовьи сѣрый большой домъ подъ бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Цѣлая поэма запустѣнія! Отъ парка остались только стѣны, отъ людской избы—раскрытый остовъ, безъ оконъ, и всюду, къ самымъ порогамъ, подступили лопухи и глухая крапива. А на „черномъ“ крыльцѣ стоитъ и въ страхѣ глядитъ на меня слезящимися глазами какая-то старуха... Понявъ изъ моихъ неловкихъ объясненій, что я хочу посмотрѣть домъ, она спѣшитъ предупредить барыню.

— Я доложу-сь, доложу-сь,—бормочетъ она, скрываясь въ темныхъ сѣняхъ.

Больно, должно быть, Батуриной выходить послѣ такихъ докладовъ! И дѣйствительно, — когда черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь, я вижу растерянное старческое лицо, виноватую улыбку голубыхъ кроткихъ глазъ... Дѣлаемъ видъ, что мы очень рады другъ другу, что этотъ осмотръ дома — вещь самая обыденная, и Батурина любезнымъ жестомъ приглашаетъ войти, а другой дрожащей рукой старается застегнуть воротъ своей темной кофточки изъ дешевенькаго новаго ситцу.

Бормоча что-то притворно-веселое, я вхожу въ переднюю, и въ первую минуту мнѣ кажется, что я попалъ въ ночлежный уголъ. Темно, душно, стѣны, оклеенныя старыми газетами, закопчены дымомъ махорки, которую куритъ бывший староста Батуриныхъ, Дронъ, не покинувшій усадьбу и донынѣ... Направо — дверь въ его комнату, прямо — комната старухъ, скудно освѣщенная окномъ съ двойными рамами, съ радужными, выгорѣвшими отъ солнца стеклами...

— Мы вѣдь въ пристройкѣ-сь теперь живемъ,—виновато поясняетъ Батурина.—Вѣдь знаете, какіе года-то пошли, да и теплѣе тутъ зимою...

— Да, можетъ быть, я беспокою васъ?

Старуха трясетъ головой и смотритъ недоумѣвающе и вопросительно.

— Не беспокою-ли я васъ?—говорю я громче.

Разслышавъ, Батурина поспѣшно улыбается.

— Нѣтъ-сь, нѣтъ-сь,—отвѣчаетъ она съ ласковой снисходительностью.—Пожалуйте-сь.

И отворяетъ дверь въ корридоръ...

Охъ, какъ мрачно въ этихъ пустыхъ комнатахъ! Первая, въ которую я заглядываю изъ коридора, была когда-то кабинетомъ, а теперь превращена въ кладовую: тамъ ларь съ

солью, кадушка съ пшеномъ, какія-то бутылки, позеленѣвшіе подсвѣчники... Въ слѣдующей, бывшей спальнѣ, возвышается пустая и огромная, какъ саркофагъ, кровать... И старуха отстаетъ отъ меня и скрывается въ кладовой, яко-бы чѣмъ-то озабоченная. А я медленно прохожу въ большой гулкой залъ, гдѣ въ углахъ свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столовъ... Галка вдругъ срывается съ криво висящаго надъ ломбернымъ столикомъ зеркала и на лету ныряетъ въ разбитое окно... Вздвигнувшись отъ неожиданности, я отступаю къ стеклянной двери на разохшійся балконъ, съ трудомъ отворяю ее и прикрываю глаза отъ низкаго яркаго солнца. Какой вечеръ! Какъ все красиво въ запущенномъ саду, какъ все цвѣтетъ и зеленѣетъ въ немъ среди развалинъ, обновляясь каждую весну, и какъ сладостно журчатъ въ густомъ вишеникѣ, перепутанномъ съ сиреню и шиповникомъ, кроткія горлинки, вѣрные друзья погибающихъ помѣщичьихъ гнѣздъ!..

Вечеръ въ полѣ встрѣчаетъ насъ еще большей красотой,—цѣлымъ архипелагомъ пышныхъ золотисто-лиловыхъ облаковъ на западѣ, необыкновенной нѣжностью и ясностью далей, но меня уже гнететъ эта тишина и красота,

— Дядя, дай сѣрничка! — кричитъ одинъ изъ мальчишекъ, стерегущихъ на парахъ лошадей, и, вскочивъ съ межи, бѣгомъ догоняетъ тарантасъ.

Но и Корней задумчивъ. Онъ молча, но съ видимымъ удовольствіемъ вытягиваетъ мальчишку кнутомъ и сдержанно покрикиваетъ на лошадей.

— О чемъ онъ думаетъ?—задаю я себѣ вопросъ, глядя на его выгорѣвшій на солнцѣ картузь. И точно угадавъ мой вопросъ, Корней слегка повертывается на облучкѣ и, слѣдя задумчивымъ взглядомъ за мелькающими подковами пристяжныхъ, начинаетъ говорить...

— Всѣмъ — не медь, — задумчиво говоритъ онъ. — Не однимъ господамъ... Хрестыанскій банкъ, молъ, помогаетъ! Да нѣтъ, въ долгъ-то не проживешь! Купятъ мужики сто двѣсти десятинъ,—конечно, компаніей, не собразясь съ силой, и запутляются, и норовятъ слопать другъ друга. А пойдутъ свары—дѣло и совсѣмъ изгадится, и хоть на переметь съ обрывкомъ лѣзы!

— Однако-же,—говорю я,—крупныхъ-то господъ осталось три-четыре на уѣздъ,—значитъ, расхочется земля по народу.

— По городскимъ купчишкамъ да лавошникамъ, — поправляетъ Корней.—По нимъ, а не по народу... И опять-же

земля безъ настоящаго хозяина остается: имъ вѣдь только-бы купить, благо дешево, а жить-то они вѣдь тутъ не станутъ! Ну, вотъ ихъ-то, чертей, и зажать-бы въ тѣсномъ мѣстѣ!..

— Слѣдовало-бы? спрашиваю я.

Но Корней отводитъ глаза въ сторону.

— Попойть-бы пора,—говоритъ онъ дѣловымъ тономъ.

— На Ворглѣ попоимъ.

— Ну, на Ворглѣ, такъ на Ворглѣ... Эй, други, не рано!..

Свѣжѣетъ, и блескъ вечера уже меркнетъ. Меланхолично засинѣли поля, далеко, далеко на горизонтѣ уходитъ за черту земли огромнымъ мутно-малиновымъ шаромъ солнце. И что-то сказочное, старо-русское есть въ этой печальной картинѣ, въ этой синѣющей дали съ мутно-малиновымъ щитомъ. Вотъ онъ еще болѣе потускнѣлъ, вотъ отъ него остался уже только сегментъ*), потомъ—вогнутая дрожащая огненная полоска... Быстро падаетъ синеватый сумракъ лѣтней ночи, точно кто незримо сѣетъ его,—свѣжѣетъ сильнѣе; въ лужкахъ уже холодно, какъ въ погребѣ, и рѣзко пахнетъ росистой зеленью,—только изрѣдка повѣваетъ откуда-то тепломъ... Въ сумракѣ мелькаютъ придорожныя лозинки, и на нихъ, нахохлившись, спятъ вороны... А на востокѣ уже показывается большая голова блѣднаго мѣсяца.

Какъ печальны кажутся въ это время темныя деревушки, мертвую тишину которыхъ будитъ звукъ рессоръ и бубенчиковъ! Какъ глуха и пустынна кажется старая „большая“ дорога, тоже запустѣвшая, давно забытая и неѣзженная!... Слава Богу, хоть мѣсяцъ всходитъ!.. Все веселѣе... А вотъ и поворотъ на проселокъ, на Ворголь.

Ворголь—нежилой хуторъ покойной тетки, степная деревушка на мѣстѣ снесенной дѣдовской усадьбы и большого села, три четверти котораго ушло въ Сибирь, на новыя мѣста. Отъ усадьбы уцѣлѣли только остатки сада, сливагося съ хлѣбами, да небольшой флигель. Дорога долго идетъ подъ изволокъ, и часовъ въ десять, когда уже становится свѣтло отъ мѣсяца, тарантасъ шибко подкатываетъ по густой росистой травѣ къ этому одинокому флигелю на скатѣ котловины среди косогоровъ. Звонъ бубенчиковъ замираетъ, и насъ охватываетъ гробовое молчаніе.

— Ужъ и глухо же тутъ!—говоритъ Корней, слѣзая съ козель, и голосъ его странно звучитъ возлѣ пустыхъ стѣнъ.—

*) Сегментъ — часть круга.

Посидите тутъ на крылечкѣ, а я лошадей попою и овсеца имъ кину.

И медленно отводитъ громыхающихъ бубенчиками лошадей подъ гору, къ колодцу. А я поднимаюсь на деревянное крыльцо флигеля и сажусь на одну изъ ступенекъ.

Но жутко здѣсь, въ этой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ замкнутой холмами, спускающимися къ пересохшему руслу Воргла, и блѣдно освѣщенной невѣрнымъ мѣсячнымъ свѣтомъ! Пустой широкой дворъ хутора непосредственно переходитъ въ мужицкій выгонъ, а за выгономъ чернѣетъ семь приземистыхъ избушекъ, такъ глубоко затаившихъ въ себя ночную жизнь, что деревушка кажется совершенно необитаемой. И, удрученный тишиной запустѣнія, которая цѣлый день окружала меня въ этомъ печальномъ пути на родину, я уже не могу спокойно сидѣть на мѣстѣ.

— Корней,—говорю я, какъ только Корней показывается съ лошадьми изъ-подъ горы,—надо ѣхать! Поѣдемъ шажкомъ, а ужъ покормимъ дома.

Корней останавливаетъ лошадей противъ крыльца.

— Ай соскучились?—спрашиваетъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Соскучился. Ну его къ чорту... Ёдемъ.

— Это еще милость,—говоритъ Корней насмѣшливо.— Вы бы осенью али зимой заѣхали!

— И какъ вы только живете тутъ!

Корней завертываетъ цыгарку, глядя въ землю, и долго молчитъ. Потомъ сдержанно отвѣчаетъ:

— Живемъ пока...

— То-есть какъ „пока“? А потомъ-то что-жъ?

— Потомъ—что Богъ дастъ. Все что-нибудь будетъ...

— Что же?

— Да что-нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ сидѣть,—чертямъ оборки вить! Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...

— А какъ?

При свѣтѣ мѣсяца ясно видно лицо Корнея, но, поднявъ голову, онъ сдвигаетъ брови и отводитъ глаза куда-то въ сторону.

— Какъ иначе-то?—повторяю я вопросъ.

— Тамъ видно будетъ,—отвѣчаетъ Корней уже совсѣмъ хмуро.—Поѣдѣте, баринъ,—не рано!

И молча влѣзаетъ на козлы.

II.

С Н Ы.

Въ полѣ было холодно, туманно и вѣтренно, смерклось рано. Еще не было и пяти часовъ, но на станціи уже царилла такая тишина, точно она вымерла. Еле свѣтили подкрученные фитили лампъ въ вокзалѣ, и по всей залѣ третьяго класса, гдѣ на буфетной стойкѣ спалъ подъ тулупомъ сторожъ, рѣзко воняло керосиномъ. Я прошелъ въ слѣдующую комнату, но и тамъ было не лучше: медленно постукиваютъ въ полусумракѣ часы, сонно смотрятъ со стѣнъ „правила для грузоотправителей“, на столѣ желтѣетъ прошлогодняя вода въ графинѣ... Не снимая полушубка, я легъ на вытертый плюшевый диванъ и тотчасъ-же уснулъ, утомленный тяжелой дорогой подъ дождемъ и снѣгомъ. Спалъ я, какъ мнѣ казалось, долго, но, открывъ глаза, съ тоской увидалъ, что на часахъ всего половина восьмого. „И прошелъ тотъ день къ вечеру темныхъ осеннихъ ночей“—вспомнилась мнѣ печальная строка изъ какой-то старой русской книги. По-прежнему было холодно и тихо, какъ въ мертвецкой, по-прежнему чернѣла за окнами тьма... И казалось, что не будетъ конца этому вечеру.

Когда часы нерѣшительно, точно раздумывая, пробили девять, гдѣ-то завизжала и гулко хлопнула дверь, и вслѣдъ затѣмъ на платформѣ жалобно занялъ звонокъ. Выйдя въ залъ третьяго класса, я увидалъ мѣщанина въ картузѣ и чуйкѣ, который, поставивъ локти на колѣни и положивъ въ ладони голову, неподвижно сидѣлъ на скамьѣ.

— Это поѣздъ вышелъ?—спросилъ я.

Мѣщанинъ встрепенулся и взглянулъ на меня испуганными глазами. Потомъ что-то пробормоталъ и, нахмурившись, быстро пошелъ къ дверямъ на платформу.

— У него жена въ родахъ умираетъ.— пояснилъ сторожъ, завертывая у буфетной стойки цыгарку изъ газетной бумаги.— У всякаго, значить, свсе горе,—прибавилъ онъ задумчиво и, вдругъ сладко зѣвнувъ, оживленно, съ непонятной, злой радостью заговорилъ:

— Вотъ тебѣ и женился на богатой! Второй день мучается, царскія врата отворили—все не помогаетъ. Теперь въ городъ за докторомъ скачетъ, а къ чему, спрашивается?

— Думаешь, не поспѣеть?—сказалъ я.

— Никакъ!—отвѣтилъ сторожъ.— Воротится онъ завтра вблизи вечера, а она къ тому времени помретъ. Безпремѣнно помретъ,—прибавилъ онъ убѣжденно.— Три раза, говоритъ, на оракулъ кидалъ,—кто, молъ, раньше помретъ, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... какъ это? „Нечего тебѣ простирать въ даль своихъ намѣреній“, а потомъ и того хуже: „молись Богу, не пей вина и пива и готовься въ монастырь“... А вчерась, говоритъ, во снѣ видѣлъ: будто обрили его доголá и всѣ зубы вынули...

Онъ, вѣроятно, говорилъ бы еще долго, но тутъ тяжело зашумѣлъ подходящій товарный поѣздъ. Снова завизжала и заняла дверь, показался кондукторъ въ тяжелой мокрой шинели съ оторваннымъ на спинѣ хлястикомъ, за нимъ смазчикъ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукахъ... Я ушелъ на платформу.

Тамъ, въ темнотѣ вѣтренной сырой ночи, я долго-долго бродилъ мимо дверей вокзала. Медленно текли минуты за минутами,—наконецъ, сотрясая зазвенѣвшія рельсы, передъ платформой загорѣлся своими огромными неморгающими глазами пассажирскій паровозъ. Захвативъ вещи, я направился въ полутемный, теплый и вонючій вагонъ, переполненный спящимъ народомъ, и, уже на ходу поѣзда, нашелъ свободную скамейку въ углу около двери въ другое отдѣленіе. Въ зыбкомъ сумракѣ вокругъ меня беспорядочно темнѣли фигуры лежащихъ на лавкахъ и на поднятыхъ спинкахъ лавокъ, глухо гудѣлъ ропотъ колесъ, сливающийся съ храпомъ и соннымъ дыханіемъ, и, закрывая глаза, я уже начиналъ терять представленіе, въ какую сторону убѣгаетъ поѣздъ. Но прошелъ истопникъ съ кочергою, похожій на негра, и не затворилъ возлѣ меня двери. Послышался говоръ, потянуло махоркой... Мѣщанинъ, ѣхавшій въ городъ за докторомъ, лежалъ съ закрытыми глазами и съ угрюмо-сосредоточеннымъ выраженіемъ лица на четвертой отъ двери скамьѣ, а возлѣ двери, въ дымномъ сумракѣ подъ фонаремъ, тѣсной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидѣвшаго на противъ.

— Да-а, братцы мои,—слышался сквозь гулъ бѣгущаго вагона чей-то голосъ,— да-а. И попадись въ это самое разнесчастное село старичокъ-священникъ изъ Епифани. Перевели его, значить, изъ города въ самый что ни на есть бѣдный приходъ, а за что перевели—пилъ джуге... Значить, и перевели въ родъ какъ бы за наказаніе... А старичокъ-то

пить-то пилъ, да оказался такой, что лучше и не надо. „Сколько, молъ, о. Петръ за крестины аль за похороны берете?“ — „Не я, свѣтъ, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть“... И вотъ такъ-то всегда... Перевели его, значить, весной, пробылъ онъ честь-честью лѣто, а осенью и захворай. Года что-ли такіе, али простудился онъ,—лѣто-то, сами знаете, какое было,—только, видимое дѣло,—слабѣть сталъ. И вотъ, братцы мои, почуявши такую исторію, вышелъ онъ на Покровъ послѣ обѣдни къ народу—и простился со всѣми. „Должно, говорить, скоро я представляюсь къ Господу Богу, міряне,—простите, ежели согрѣшилъ что“... И, сказавши такимъ манеромъ, поклонился, значить, народу и ушелъ въ алтарь. А пришедши домой, сѣлъ было обѣдать, ѣсть не наѣлъ, а только ложкой помутить, всталъ и говоритъ сторожу, что при ѣмъ замѣсто служки былъ: „Что-й-то, говоритъ, мнѣ холодно, свѣтъ, и такъ-то скушно,—просто мочи нѣту. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждетъ она меня къ себѣ... Убирай, молъ, со стола,—не идетъ мнѣ ѣда на умъ“. — „Напрасно вы такія рѣчи говорите, батюшка,—это сторожъ-то ему,—напрасно, молъ, такъ скучились. Какіе ваши года? Какая такая кончина?“ — „Нѣтъ, говоритъ,—помру! Только дюже, говоритъ, вездѣ горя много, и ужли никакой тому перемѣны не буде, ужли не дожить мнѣ до ней?...“ А на дворѣ, не хуже теперешняго, дождь, незгода—и ужъ вечеръ заходитъ. Поглядѣлъ этакъ старичокъ въ окошечко,— „все, говоритъ, погніетъ въ полѣ“, —махнулъ ручкой и ушелъ къ себѣ въ горницу. А въ горницѣ opravилъ лампадку да и прилежъ на часокъ. То-ли онъ спалъ, то-ли такъ въ забытїи лежалъ,—только ужъ и ночь на дворѣ, а онъ все лежитъ да лежитъ...

— Вонъ она, дѣло-то какая! — сказалъ кто-то изъ мужиковъ съ глубокимъ вздохомъ. — На Покровъ, говоришь, вышло-то все это?

— Да вѣдь сказали—на Покровъ! — сумрачно перебилъ сиплымъ голосомъ большой рыжій мужикъ съ злыми глазами и въ рваномъ полушубкѣ, сидѣвшій на краю скамьи противъ рассказчика.

— На Покровъ, на Покровъ, — подтвердилъ и рассказчикъ.—Вечеромъ, значить. Ушелъ, говорю, къ себѣ въ горницу и легъ. Да-а... Ушелъ и лежитъ, а на дворѣ темъ, вѣтеръ, и такъ будто угрѣлся старичокъ на лежаночкѣ насупротивъ лампадки, что никакъ не можетъ подняться, помолиться да и лечь какъ слѣдуетъ. Лежу, говоритъ, гляжу

на лампадку, чувствую—въ сонъ клонить—и вдругъ открывается тихенько-тихенько этакъ дверь—и входитъ ко мнѣ дочь-покойница. „Что такое, думаю, что за притча такая, Господи?“ А она подходитъ прямо ко мнѣ и кладетъ мнѣ руку на руку.—Сама вся въ черномъ, а лицо бѣлое-бѣлое да красивое! И этакъ вполголоса: „встань, говорить, батюшка, пойдѣ поскорѣе въ церковь“. Я—рразъ съ постели, а ей ужъ нѣту! Что тутъ дѣлать? Посидѣлъ я, посидѣлъ, и что все больше сижу, все чуднѣй и страшнѣй мнѣ становится. Вскочилъ, наконецъ того, на ноги, накинулъ шубенку,—самъ зубъ на зубъ не попадаю,—выбрался въ сѣнцы, нашель ключи на стѣнѣ... Темъ, жуть, сѣнцы такъ и гудуть отъ бури,—нѣтъ, думаю, надо итить!—спѣшу на гору, дохожу къ церкви,—глядь—а тамъ огонекъ теплится, ровно бы покойникъ на ночь поставленъ... Оторопѣлъ я опять, однако перекрестился—и на паперть. Насилу ключемъ въ замокъ попалъ, отворяю, наконецъ того, двери—нѣтъ тебѣ никакого покойника, а только горитъ лампадка надъ царскими вратами, и такая жуть вездѣ, что и сказать нельзя! Кто-жъ это, думаю, лампадку зажегъ, что такое будя? Стою, ни живъ, ни мертвъ,—вдругъ—рразъ!—Отдернулась занавѣсь на царскихъ вратахъ и растворяются этакъ широко и тихо двери—и выходитъ изъ темени, изъ самаго алтаря, значить, огромный красный кочетъ! Вышелъ, остановился, затрепыхалъ крыльями и какъ закричить на всю церковь: ку-ка-ре-ку! Пропѣлъ до трехъ разъ—и пропалъ. И только, значить, пропалъ—выходитъ изъ алтаря другой,—бѣлый, какъ кипень, и запѣлъ еще громче прежняго! И опять до трехъ разъ... У меня, рассказывалъ священникъ-то на утро, руки-ноги отнялись въ ту пору, а я все стою и жду, что будетъ дальше, а дальше, немного этакъ годя, выходитъ и третій: черный, какъ головешка, изъ себя сумрачный—только гребешокъ свѣтится -- и запѣлъ онъ, братцы мои, таково жутко и строго, что опустился я на колѣнки наземъ и говорю этакъ внятно и раздѣльно на всю церковь: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!“ И только, это, сказалъ я—нѣтъ тебѣ никакихъ кочетовъ, а стоитъ передо мною, замѣсть ихъ, сѣденькїй-сѣденькїй монашекъ и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Не пужайся, служитель Божїй, а объяви всему народу, что, молъ, означаетъ твое видѣніе. А означаетъ оно бо-ольшія дѣла!“

— Вотъ за это-то вашего брата и чертями-то называютъ,—громко сказалъ въ это время мѣщанинъ, открывая

глаза и угрожающе нахмуриваясь.—Ночь, скука, а онъ ишь какія суевѣрія сидить-разводитъ! Ты къ чему все это гнешь-то, а?

— Да вѣдь я ничего, плохого, — несмѣло пробормоталъ рассказчикъ.

— Позволь, — ты откуда взялъ-то все это?

— Какъ откуда? Самъ священникъ, говорятъ, рассказывалъ.

— Священникъ энтотъ померъ, — перебилъ мѣщанинъ.

— Это вѣрно, вѣрно... померъ... въ скорости и померъ...

— Ну, значитъ, и брешутъ на него, что въ голову влѣзеть. Вѣдь это сновидѣнiе, — дубина!

— Да я-то про что-жь? Извѣстно, сновидѣнiе. Ночь-то — годъ..

— Ну, и молчи, — опять перебилъ мѣщанинъ, укладывая голову на чуйку. — Да и курить-то пора бросить: вѣдь ужъ день скоро, а вы ишь — надымили — оwinъ чистый!

— Въ первый классъ иди, коли не ндравится, — сипло и зло перебилъ, въ свою очередь, рыжій мужикъ.

— Побреши еще!

— Брешутъ собаки да твои свояки.

Мѣщанинъ быстро поднялъ голову съ чуйки и какъ будто даже съ радостнымъ изумленiемъ раскрылъ глаза.

— Ну, смо-отри! — сказалъ онъ, покачивая головою. — Смотри, какъ бы я не потолковалъ съ тобой посурьезнѣй!

— Ужли побьешь? — съ радостной злобой спросилъ и рыжій мужикъ, оборачиваясь къ мѣщанину и глядя на него веселыми глазами.

— А ты что-жь, сукинъ сынъ, думаешь, на васъ теперь и управы нѣту?

— Не суйся, носъ сшибешь!

— Будя, будя, ребята! — закричали мужики, заволновавшись. — Вѣдь полночь на дворѣ, что домового-то тѣшить.

Бранившiеся смолкли, и въ вагонѣ на время наступила тишина. Потомъ мѣщанинъ вздохнулъ и снова положилъ голову на чуйку.

— Ну, и стерва, прости Ты меня, Господи! — задумчиво и серьезно сказалъ онъ такимъ тономъ, точно онъ былъ въ вагонѣ одинъ.

И опять наступила тишина, нарушаемая только глухимъ говоромъ колесъ, храпомъ и соннымъ дыханiемъ спящихъ.

— А за что ругаться-то? — спросилъ немного погодя рассказчикъ, видя, что бранившiеся угрюмо успокоились — Кто первый зачалъ-то? Вѣдь ты. Мы балакали промежь себя...

— Чо-ортъ! — отвѣтилъ мѣщанинъ поспѣшно и въ голосѣ его дрогнула страдальческая нота. — Вѣдь ночь, скука, а у меня, можетъ, жена и дите помирають. Пойми!

— Горя-то и у другихъ не менѣ твоего, — отвѣтилъ рыжій мужикъ.

— Не менѣ! — передразнилъ мѣщанинъ. — Я, можетъ, ты-сячи не пожалѣлъ бы теперь на доктора, а онъ за сто верстъ, а дорога — ни проходу, ни проѣзду, а ночь, хоть глазъ выколи! Вчерась измаялся, ткнулъ въ чемъ былъ на постель и вижу — будто обрили меня догола и всѣ зубы вынули! Пойми — сладко?

— Ага! — сказалъ рыжій мужикъ. — Спокайся! Повѣрилъ въ сонъ-то! А то — сновидѣнiе!..

— До Туровки кто имѣетъ билеты? — прокричалъ въ это время кондукторъ, проходя по вагону. — Билеты до Туровки кто имѣетъ?

И, освѣтивъ фонаремъ чьи-то ноги, крѣпко хлопнулъ возлѣ меня дверью. Поднявшись съ мѣста, я тотчасъ же снова отворилъ ее и сталъ на порогъ, но разговоръ между мѣщаниномъ и мужиками уже прекратился. Мѣщанинъ лежалъ лицомъ къ спинкѣ дивана, угрюмо согнувшись, а рыжій мужикъ, какъ бы забывъ о его существованiи, сидѣлъ со спокойно-сдвинутыми бровями и говорилъ тому, который рассказывалъ:

— Ну, ну, доказывай дальше.

Нѣсколько полушубковъ стѣснилось вокругъ рассказчика, нѣсколько глазъ серьезныхъ блестѣло въ дымномъ сумракѣ глухо гудящаго и бѣгущаго вагона. Оглянувъ ихъ, рассказчикъ вздохнулъ и уже хотѣлъ было начать говорить, но въ это время рыжій поднялъ на меня свои сумрачно-злые глаза и сипло сказалъ:

— А тебѣ, господинъ, что надо?

— Послушать хотѣлъ, — отвѣтилъ я.

— Не господское это дѣло мужицкiя побаски слушать.

Я возвратился на свое мѣсто и, посмотрѣвъ на часы, сѣлъ. Было уже поздно, — далеко за полночь. Долгая дорога въ полѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, долгiй вечеръ на станціи, полутемный, вонючiй вагонъ, безконечная осенняя ночь, эти мрачные вѣщiе сны, порожденные ею, — все уже угнетало душу, но эти сны такъ шли къ этой ночи, что жадно хотѣлось слушать. Но слушать было уже трудно.

— Да-а, братцы мои, — снова заговорилъ рассказчикъ прежнимъ тономъ, какъ только я отошелъ, — и стоять, зна-

чить, передъ нимъ сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говорить ему тихимъ голосомъ: „Не пужайся, молъ, служитель Божій, а слушай меня и объяви народу, что, молъ, означаетъ твоя видѣніе. А означаетъ она ба-альшія дѣла...“

Но начавъ громко, рассказчикъ мало-по-малу сталъ понижать голосъ и послѣднія слова проговорилъ уже полупотомъ. Тщетно я вслушивался—все тонуло въ ропотѣ колесъ и въ сонномъ храпѣ спящихъ. Заслышавъ сквозь этотъ ропотъ далекій заунывный свистокъ паровоза, возвращавшей о станціи, съ лавки возлѣ меня поспѣшно вскочилъ юнкеръ въ очкахъ, оглянулся вокругъ себя испуганными глазами и, быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучекъ, тотчасъ-же снова заснулъ. Какая-то пожилая женщина въ темномъ ситцевомъ платьѣ, спавшая напротивъ съ ребенкомъ у раскрытой груди, поднялась, болезненно морщась, съ мѣста и поплелась въ сѣни. Все остальное храпѣло въ зыбкомъ сумракѣ, и мертвыя фигуры лежащихъ, мѣшки, сундуки и полшубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною, какъ во снѣ. Мужикъ, рассказывавшій про пѣтуховъ, сидѣлъ теперь, подавшись впередъ къ рыжему, и что-то негромко, но горячо говорилъ, но когда я настораживался, чтобы разслышать, что онъ говоритъ, изъ дымнаго сумрака противъ меня блестяли только загадочно-серьезные и злые глаза.

- 1 В. Г. Короленко—Приемышь . . . 2 к.
2 В. И. Дмитріева—Майна-Вира . . . 3 к.
3 Чириковъ—Маленькія грѣшники . . . 1 к.
4 Л. Н. Андреевъ—Баргамотъ и Гараська (съ картинокъ) . . . 1 1/2 к.
5² Кретцеръ—Исторія черного скрутка . . . 1 к.
6 Крандіевская—Для души . . . 2 к.
7 Е. Н. Чириковъ—Свинья . . . 2 к.
8² В. И. Немировичъ-Данченко—Старый замокъ . . . 3 к.
9 А. И. Свирскій—Забракованный . . . 2 к.
10³ Костинъ—Ошибка . . . 3 к.
11 В. І. Дмитріева—Ее всѣ знаютъ . . . 3 к.
12 К. М. Станюковичъ—За „Щупленькаго“ . . . 2 к.
13 И. И. Митропольскій—Вода . . . 2 к.
14² А. Серафимовичъ—Местъ . . . 3 к.
15 Л. Мельшинъ—Искорка . . . 3 к.
16 Л. Мельшинъ—Чортовъ Яръ . . . 4 к.
17 Л. Н. Андреевъ—Гостинець . . . 2 к.
18 Л. Н. Андреевъ—Петька на дачѣ . . . 2 к.
19 В. И. Дмитріева—Мама на войнѣ . . . 3 к.
20 Л. Андреевъ—Въ Сабуровѣ . . . 2 к.
21 И. П. Бѣлоконскій—Страховка . . . 2 к.
22 П. А. Изашева—Мой день . . . 2 к.
23 Короленко—Ночью (съ р. Е. Бемъ) . . . 5 к.
24 Н. И. Тимковскій—Среди людей . . . 5 к.
25 С. Ф. Русова—Биографія Гарибальди (съ портр.) . . . 4 к.
26 С. Т. Семеновъ—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ . . . 3 к.
27 Н. Н. Златовратскій—Мечтатели . . . 4 к.
28 А. Нуринъ—Ночная смѣна . . . 3 к.
29 Э. Ожешко—Гедали . . . 3 к.
30 С. Юшкевичъ—Хаймка и Оська . . . 2 к.
31 В. Вересаевъ—Въ пути . . . 1 к.
32 И. Франко—Самъ виноватъ . . . 1 1/2 к.
33 И. Алексѣевъ—Изъ-за хлѣба насущнаго. „Лишній“ . . . 1 1/2 к.
34 Серафимовичъ—Стрѣлочникъ . . . 3 к.
35 В. Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ . . . 2 к.
36 И. И. Митропольскій—Отсрочка . . . 1 к.
37 А. Яблоновскій—Удружилъ . . . 1 к.
38 И. Франко—Хорошій заработокъ . . . 1 к.
39² Мать (перев. съ арм.) . . . 1 1/2 к.
40 Остон—Поденщикъ . . . 2 к.
41 Некрасовъ и Никитинъ—Избранныя стихотворенія . . . 4 к.
42 И. А. Бунинъ—Байбаки . . . 3 к.
43 А. И. Петровскій—Не дался . . . 1 к.
44 В. І. Дмитріева—Бѣлыя крылья . . . 2 к.
45 А. Серафимовичъ—Въ бурю . . . 3 к.
46 А. Яблоновскій—Конокрадъ . . . 3 к.
47 И. Франко—На днѣ . . . 9 к.
48² Какъ сицилійск. крестьяне улучили свое положеніе . . . 6 к.
49 В. И. Немировичъ-Данченко—Воскрѣшая пѣснь . . . 5 к.
50 В. Вересаевъ—Повѣтріе . . . 4 к.
51 Бѣлоконскій—Деревня Печальная . . . 3 к.
52 В. И. Дмитріева—Волки . . . 3 к.
53² Серафимовичъ—Степные люди . . . 3 к.
54 И. Митропольскій—На плотажѣ . . . 3 к.
55 Короленко—Чересъ (съ 2 рис.) . . . 4 к.
56 В. Вересаевъ—Звѣзда (восточн. сказка) . . . 1 1/2 к.
57 Н. Д. Телешовъ—Противъ обычая . . . 2 к.
58 Яблоновскій—Въ консультаціи . . . 3 к.
59 Пѣсни труда . . . 8 к.
60 Темный—Сироткинъ (изъ жизни рабочихъ) . . . 3 к.
61 Только часть, А. Крандіевской и др. рассказы . . . 10 к.
62 И. Бунинъ—Надъ городомъ . . . 1 к.
63 Елпатьевскій—Отлетаетъ мой соколикъ (изъ сибирск. жизни) . . . 2 к.
64 К. Станюковичъ—Эмигрантъ . . . 3 к.
65 Избранныя стихотворенія С. Я. Надсона и др. поэтовъ . . . 3 к.
66 Л. Андреевъ—Ангелочекъ . . . 3 к.
67 Л. Андреевъ—Жили были . . . 3 к.
68 Скиталець—Атаманъ . . . 2 к.
69 Серафимовичъ—Въ камышахъ . . . 3 к.
70 Н. Рубанинъ—Дѣдушка время . . . 7 к.
71 А. Яблоновскій—Завѣтная мечта . . . 3 к.
72 С. Елпатьевскій—Присяжнымъ засѣдателемъ . . . 2 к.
73 Вересаевъ—Къ спѣху . . . 1 к.
74 А. Серафимовичъ—На льдинѣ . . . 4 к.
75 Л. Мельшинъ—Маленькіе люди . . . 3 к.
76 Булгакова—Что за страна Японія . . . 5 к.
77² Яковлева—Свидѣтель . . . 8 к.
78 Н. Д. Телешовъ—Хлѣбъ-соль . . . 1 1/2 к.
79² С. Русова—На счастливыхъ островахъ . . . 6 к.
80 В. Г. Короленко—Соколинецъ . . . 7 к.
81 Е. Н. Чириковъ—Коля и Колька . . . 2 к.
82 С. Елеонскій—Огорченіе . . . 3 к.
83 С. Русова—Братья Гракхи . . . 3 к.
84 Н. Телешовъ—Нужда . . . 1 1/2 к.
85 Избр. стихотв. Алесѣя Толстого и др. поэтовъ . . . 3 к.
86² Молодая жизнь . . . 7 к.
87 Э. Золя—Кровь . . . 3 к.
88 Танъ—Елка въ Америкѣ . . . 3 к.
89 Г. И. Успенскій—Будка . . . 3 к.
90 В. Г. Короленко—Мгновеніе и Огоньки . . . 3 к.
91 Пѣсни мира—Сборн. стих. . . 2 к.
92 В. Н.-Данченко—Соловьиная ночь . . . 1 к.
93 Бѣлоконскій—Страшное мѣсто . . . 1 1/2 к.
94 О. Мирбо—Бродяга . . . 1 к.
95² Голодь—Властелинъ . . . 12 к.

96 И. Н. Тимковскій—Травля . . . 5 к.	126 Погорѣловъ—Въ глуши . . . 3 к.
97 Наживинъ—Волось Мадонны . 1 к.	127 Юшкевичъ—Кабатчикъ Гейманъ 4 к.
98 И. Франко—Къ свѣту . . . 3 к.	128 Наживинъ—Въ степи. . . 1½ к.
99 Е. Чириковъ—Въ отставку . . 7 к.	129 Конопницкая—Мендсь Гданскій 3 к.
100 „Зарницы“—Сборникъ стихо- твореній 5 к.	130 А. Пругавинъ—Милліонъ . . . 8 к.
101 Л. Андреевъ—На станціи . . . 1 к.	131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь . 2 к.
102 И. Бунинъ—На край свѣта . 1½ к.	132 Гези—Благотворительность . 2 к.
103 Н. Рубакинъ—Искорки . . . 5 к.	133 Дишштейнъ—Кто чѣмъ живетъ 3 к.
104 В. Короленко—Марусина за- имка 10 к.	134 Какъ нѣмцы добыли себѣ сво- боду 3 к.
105 П. Я. (Л. Мельшинъ)—Избран- ныя стихотворенія 6 к.	135 Короленко—Чудная 3 к.
106 Л. Н. Андреевъ—Въ темную даль 3 к.	136 Бакурцевъ—Какъ выбирать на- родн. представителей 1 к.
107 Л. Н. Андреевъ—Валя 2 к.	137 Разрушенный моль 1 к.
108 В. Вересаевъ—Объ одномъ домѣ 3 к.	138 Успенскій—Неизлѣчимый . . . 5 к.
109 В. Короленко—Послѣдній лучъ 3 к.	139 Бунинъ—Черноземъ 2 к.
110 В. Короленко—Морозъ 4 к.	140 Л. Андреевъ Предстояла кража 1½ к.
111 Л. Мельшинъ—Въ плѣну . . . 3 к.	141 Конопницкая—Дымъ 1½ к.
112 М. Сибирякъ—Въ худыхъ душахъ 4 к.	142 Національное собраніе . . . 1½ к.
113 Чириковъ—Танино счастье . . 5 к.	143 Что надо знать солдату
114 Н. Рубакинъ—Книгоноша . . 12 к.	144 Мѣстное самоуправленіе . . . 3 к.
115 Короленко—Сказаніе о Флорѣ . 3 к.	145 Права челоуѣка и гражданина 1½ к.
116 Л. Андреевъ—Весеннія общанія 3 к.	146 Въ странѣ свободныхъ крестъ- янъ (Норвегія) 3 к.
117 И. Наживинъ—Ложь 1½ к.	147 Бирскій—Безъ исхода 3 к.
118 Суздальцевъ—Остлерь, другъ фабричныхъ дѣтей 3 к.	148 О земельномъ вопросѣ въ Но- вой Зеландіи 2 к.
119 Крюковъ—Въ родныя мѣста . 5 к.	149 Сонъ подъ 1-е мая 3 к.
120 Короленко Государевы ямщики 7 к.	150 Пауки и мухи (на русскомъ и малоросійск. языкахъ) 1 к.
121 М. Конопницкая—Яктонъ . . . 1½ к.	151 Сказаніе о царѣ Симеонѣ . . 5 к.
122 А. Яблоновскій—Нухимъ . . . 3 к.	152 Хватить ли на всѣхъ земли . 2 к.
123 П. Бутшинъ—Случай № 212 . 1 к.	153 Что такое государственная рос- пись
124 С. Русова—Какъ болгары до- были себѣ свободу 6 к.	154 Бѣгство короля 1½ к.
125 В. Короленко—На затмѣніи . . 3 к.	

Склады книгоиздательства „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону,
Казанская ул., № 42. С.-Петербургъ, Спасскій пер., д. 5, кв. 1.

Лица, выписывающія на 3 руб., въ предѣлахъ Европ. Россіи (просятъ деньги при-
сылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой.

ОТДѢЛЕНІЯ:

- Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, книжн. магаз. Путиловой.
 - „ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
 - „ Вяткѣ
 - „ Саратовѣ
 - „ Харьковѣ
- } книжные склады губернскихъ земствъ.